человѣчества. Потому считать религію Толстого христіанской было бы глубоко ошибочно (какъ это съ рѣзкостью и опредѣленностью было указано, между прочимъ, въ предсмертномъ сочиненіи Вл. Соловьева „Три разговора“). Именно это отношеніе Толстого къ христіанству вызывало и вызываетъ тяжелую религіозную распрю около его имени. Отъединеніе Толстого отъ церковнаго христіанства въ основныхъ вопросахъ вѣры есть, конечно, глубокая скорбь для всѣхъ искреннихъ сыновъ Церкви, быть можетъ, кара для нихъ и предостереженіе...

Величіе религіозной личности Толстого, но вмѣстѣ и ея противорѣчивость и незавершенность, именно и выражается въ томъ, что самъ онъ никогда не могъ успокоиться и установиться на своемъ ученіи, но постоянно выходилъ за его узкія рамки. Въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что самъ Толстой никогда не былъ и не могъ быть только толстовцемъ, никогда не вмѣщался въ толстовствѣ, въ которое хотѣли бы загнать Толстого окружавшіе его прямолинейные фанатики его же доктрины. Оно было для него временной формой успокоенія, камнемъ подъ изголовьемъ, условнымъ символомъ вѣры, самъ же онъ продолжалъ жить во всю ширь своей личности и со всѣми ея противорѣчіями, какъ Толстой, а не какъ толстовецъ. И вѣдь никогда же не надо забывать, что въ немъ, кромѣ догматическаго вѣроучителя, жилъ дивный прозорливецъ искусства, томился огненный духъ, вѣчно мятущійся, вѣчно трепетный и вопрошающій. И эту наиболѣе драгоцѣнную черту души Толстого, эту неумолчную тревогу исканій съ ослѣпительной яркостью символизировали послѣдніе его дни. Покинувъ родное гнѣздо, въ самую, быть можетъ, трудную, а вмѣстѣ и роковую минуту своей жизни, снова онъ устремляется туда, гдѣ бывалъ двадцать лѣтъ тому назадъ, еще въ полномъ разгарѣ духовнаго своего кризиса, въ историческую Оптину пустынь, собирается посѣщать старца. Чего онъ ищетъ наканунѣ смерти, о чемъ онъ теперь вопрошаетъ? Эту тайну своей души онъ не открылъ міру и унесъ въ могилу. Но то, что его потянуло именно въ Оптину, кажется такъ неожиданно отъ Толстого съ его непримиримостью ко всему церковному. И развѣ толстовцу нужна бесѣда со старцемъ, развѣ онъ подумаетъ о ней? Нѣтъ, но это сдѣлаетъ Толстой, этотъ умирающій Левъ, который въ глубинѣ души своей никогда не успокаивается на своемъ собственномъ ученіи, всегда